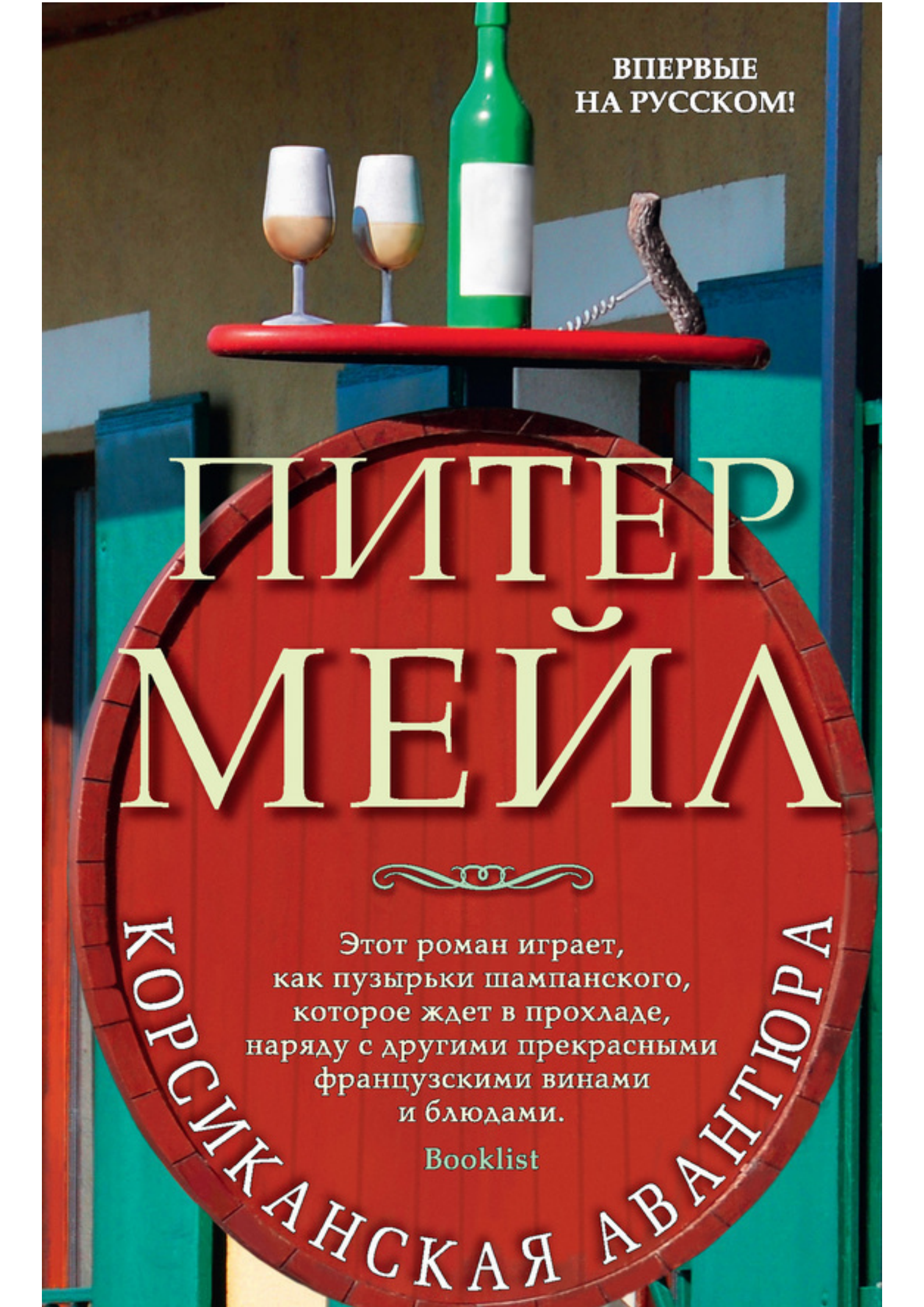

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ПИТЕР МЕЙЛ

Этот роман играет,
как пузырьки шампанского,
которое ждет в прохладе,
наряду с другими прекрасными
французскими винами
и блюдами.

Booklist

КОРСИКАНСКАЯ АВАНТЮРА

Азбука-бестселлер

Питер Мейл

Корсиканская авантюра

«Азбука-Аттикус»

2014

Мейл П.

Корсиканская авантюра / П. Мейл — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-09882-4

Мог ли подумать Сэм Левитт, отправляясь в Прованс навестить друга-миллиардера, что его ожидает новое и отнюдь не безопасное приключение? Едва Сэм и его возлюбленная Елена обустроились на вилле, как их гостеприимный хозяин поделился возникшей проблемой. Некий «навороченный» русский с неоднозначной биографией положил глаз на его резиденцию и, похоже, ни на одном из языков не понимает слово «нет». Разумеется, Сэм не останется равнодушным и даст настойчивому олигарху отпор. Впрочем, слежка с моря, с воздуха, автомобильные погони, попытки вторжения и даже покушение на убийство не мешают нашим героям наслаждаться красотами Прованса и Корсики, а также кулинарными шедеврами и алкогольными изысками. Когда на столе морские деликатесы сменяются затейливо приготовленным мясом, в бокалах играет вино, а десерт терпеливо ждет своей очереди, никакие беды не страшны.

ISBN 978-5-389-09882-4

© Мейл П., 2014

© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	15
5	18
6	21
7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Питер Мейл

Корсиканская авантюра

Peter Mayle

The CORSICAN Caper

Copyright © 2014 Escargot Productions Ltd.

All rights reserved

© Е. Королева, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

1

Франсис Ребуль грелся на солнышке, готовясь вкушать завтрак: стопку оливкового масла «экстра верджин», которое, по уверениям французов, благотворно воздействует на *le transit intestinal*¹, а вслед за ней – большую чашку *café crème*² и круассан такой исключительной воздушности, что, того и гляди, улетит с тарелки. Ребуль сидел на своей террасе, мерцающее полотнище Средиземного моря, залитое светом раннего утра, разворачивалось до самого горизонта.

Жизнь была хороша. Сегодня днем приезжают из Калифорнии в длительный отпуск Сэм Левитт и Элена Моралес – близкие друзья Ребуля и его товарищи по прошлым приключениям. Они планировали обойти по морю Корсику, потом, возможно, двинутся в Сен-Тропе, немного погостят на лошадиной ферме Ребуля в Камарге и в очередной раз посетят великолепные рестораны Марселя. Прошел уже год с тех пор, как они виделись в последний раз, – хлопотный год для всех – и многое предстояло наверстать.

Ребуль отложил газету, щурясь от яркого света, игравшего на воде. Пара маленьких парусных яхт брала курс на острова Фриуль. Пока Ребуль наблюдал за ними, его внимание привлекло нечто выдвинувшееся из-за мыса. Постепенно оно становилось все зримее и больше. Все больше и больше. Это была, как он позже рассказывал Сэму, мать всех яхт: триста футов в длину и ни дюймом меньше, гладкая, темно-синяя, четыре палубы, радар, обязательный вертолет, застывший в ожидании на своей площадке на корме, и не одна, а целых две быстროходные «Ривы» по бортам.

Яхта теперь оказалась прямо перед Ребулем, ярдах в трехстах-четырехстах от берега. Она замедлила ход, легла в дрейф и совсем остановилась. На верхней палубе появилась вереница крошечных фигурок, все они, как показалось Ребулю, уставились прямо на него. За многие годы он привык к подобным любопытным взглядам со стороны моря. Его дом, дворец Фаро, построенный по приказу Наполеона III, был самой большой частной резиденцией в Марселе и к тому же самой великолепной. Все корабли, от маленьких одноместных яхточек до битком набитых паромов, время от времени останавливались, чтобы хотя бы издали, но в подробностях рассмотреть, как оно там, дома у Ребуля. Телескопы, бинокли, фотоаппараты – он перевидал все. Ребуль пожал плечами и спрятался за своей газетой.

На борту яхты Олег Вронский – Оли для друзей и многочисленных собутыльников и Барракуда для международной бизнес-прессы – повернулся к Наташе, молодой женщине с точечной фигуркой. На время этого путешествия Вронский назначил Наташу своим старпомом.

– Вот это больше похоже на правду, – сказал он. – Да. Вот это похоже.

Вронский улыбнулся, отчего глубокий, отдающий сиреневым шрам на щеке сделался глубже. Если бы не эта отметина, он был бы красивым мужчиной. Пусть не очень высокий, но стройный, густые седые волосы подстрижены *en brosse*³, а глаза того оттенка голубого льда, какой часто встречается у выходцев с холодного севера.

Последнюю неделю Вронский провел, курсируя вдоль берега Ривьеры, останавливаясь, чтобы взглянуть на недвижимость на мысе Кап-Ферра и мысе Антиб, в Каннах и Сен-Тропе. И испытал разочарование. Он готов был потратить серьезные деньги – пятьдесят миллионов евро и больше, однако не увидел ничего такого, ради чего рука потянулась бы к бумажнику. Конечно, дома там были прекрасные, только располагались они слишком близко друг к другу. Ривьера становится многолюдной, вот в чем беда, а Вронский хотел больше места и максималь-

¹ Перистальтика кишечника (*фр.*).

² Кофе со сливками (*фр.*).

³ Ежиком (*фр.*).

ной приватности – и никаких русских соседей. Теперь их было так много на Кап-Ферра, что самые предприимчивые из местных уже брали уроки русского языка и учились любить водку.

Вронский вынул из кармана мобильник и, нажав кнопку быстрого набора, соединился с Катей, своей личной помощницей. Катя была с ним, когда он еще не нажил миллиардов и был всего лишь начинающим миллионером, и она принадлежала к числу тех редких людей, которым он безоговорочно доверял.

– Скажи Джонни, пусть поднимется ко мне на верхнюю палубу. И еще скажи, пусть готовится к небольшому перелету. Кстати, из Лондона не звонили?

Вронский вел переговоры о покупке английской футбольной команды у арабского синдиката; столкнуться с этими людьми было не так-то просто, и он постепенно терял терпение. Несколько ободренный ответом Кати, Вронский развернулся, сдвинул на лоб солнечные очки и настроил окуляры бинокля, чтобы еще раз окинуть взором собственность Ребуля. Без сомнения, дом бесподобный, и вокруг, насколько он мог судить, достаточно земли, уж точно хватит, чтобы устроить вертолетный ангар, скрытый от посторонних взглядов. Вронский ощутил первый укол того, что уже скоро перерастет в полновесную жажду обладания.

– Куда летим, босс? – Джонни с Ямайки одарил Вронского широкой белозубой улыбкой: сверкающая молния прорезала лицо цвета эбенового дерева. За время службы наемником в Ливии он научился управлять вертолетом – полезное дополнение к владению разными видами оружия и навыкам рукопашного боя. Хорошо, когда у тебя под рукой такой человек.

– Короткий вылет, Джонни. Небольшая вылазка. Нужен фотоаппарат и тот, кто умеет им пользоваться.

Вронский взял ямайца под руку и повел в менее людную часть палубы.

Ребуль макнул кончик круассана в кофе и оторвал взгляд от газеты. Яхта до сих пор была здесь. Он различил на корме две фигурки, которые деловито сновали по вертолетной площадке, затем забрались в кабину, и лопасти винта закрутились. Ребуль лениво подумал, куда это они собрались, и снова сосредоточился на новостях от репортеров «La Provence». И почему это журналисты, хотя сезон давно закончился, посвящают столько полос футболистам и их дурацким выходкам? Он вздохнул, отложил «La Provence» и взялся за «Financial Times».

Загрохотало неожиданно и страшно. Вертолет, идя на низкой скорости, летел прямо на него. Замедлил ход, затем завис над террасой, прежде чем сделать пару кругов над домом и садами. Когда машина накренилась, чтобы развернуться, Ребуль увидел, что из бокового окна торчит длинный объектив фотоаппарата. Это было возмутительно. Ребуль вынул телефон и набрал номер друга – шефа марсельской полиции.

– Эрве, это Франсис. Извини за беспокойство, но надо мной тут грохочет какой-то псих на вертолете. Летает низко, фотографирует. Может, напустишь на него «Мираж»⁴, чтоб охладить его пыл?

Эрве засмеялся:

– Полицейский вертолет не подойдет? Могу хоть сейчас прислать одного из наших парней.

Однако вертолет, после еще одной, финальной, атаки на террасу, уже возвращался на яхту.

– Не трудись, – сказал Ребуль. – Он улетел.

– Ты не рассмотрел его номер?

⁴ Многоцелевой истребитель.

– Нет, я был слишком занят – увертывался. Но он возвращается на яхту, которая стоит напротив Фаро; скорее всего, она зайдет в Старый порт, такая здоровенная синяя посудина размером с раquebot⁵.

– Такую трудно не заметить. Загляну на нее, потом к тебе.

– Спасибо, Эрве. С меня ланч.

Вронский нависал над Катей, пока она подсоединяла фотоаппарат к компьютеру и загружала первые фотографии. Как и многие богатые и сильные мира сего, он был весьма поверхностно знаком с тонкостями современных технологий.

– Вот, – сказала Катя, – просто жми на эту кнопку, когда захочешь посмотреть следующую фотографию.

Вронский молча всматривался в экран, сосредоточенно втянув голову в плечи. По мере того как картинки сменяли друг друга – идеальные пропорции постройки, безупречные сады, отсутствие соседей поблизости, – он закивал. Под конец откинулся на стуле и улыбнулся Кате:

– Узнай, кто хозяин. Я хочу этот дом.

⁵ Пассажирское судно, теплоход (*фр.*).

2

– Ребуль никогда не продаст. Всем, от Марселя до Ментона, известно, что он любит свой дом. И в деньгах он не нуждается. Désolé⁶.

Говоривший пожал плечами и прикурил сигарету от золотой зажигалки. Он стоял с Вронским на верхней палубе «Королевы Каспия», которая пришла с официальным визитом на Каннский кинофестиваль и пришвартовалась в виду берега – отличное место, чтобы оценить сверкающую огнями набережную Круазетт. Вронский решил представить себя Каннам, устроив на борту вечеринку, которую организовала его компания по связям с общественностью, и ни одно приглашение не было отклонено. Получилось самое что ни на есть типичное собрание персонажей, обязательных для любого кинофестиваля: худощавые, злоупотребляющие загаром женщины, толстые мужчины, отличающиеся той особенной бледностью, которая появляется, если слишком долго сидеть в затемненных помещениях с экраном, старлетки и потенциальные старлетки, журналисты и парочка почетных гостей фестиваля, дабы придать легкий налет официальности местному колориту. И конечно же, джентльмен в смокинге белого шелка, который сейчас вел конфиденциальную беседу с Вронским.

Он был, как заверили Вронского, самым успешным агентом по недвижимости на побережье, с самыми большими связями. Когда его карьера только начиналась, его звали Винсент Шварц. Это имя он для пользы дела сменил на виконта де Пертюи – наобум приобретенный титул, никак не связанный с благородным происхождением. За двадцать лет самопровозглашенный аристократ подмял под себя почти весь рынок элитной недвижимости на побережье. Вронский, вынужден был признать виконт, бросает ему вызов. Он уже выказал себя трудным и требовательным клиентом, с презрением отвергнув дома от Монако до Сен-Тропе. Однако виконт, согреваемый мыслью о комиссионных – о щедрых пяти процентах, – не сдавался. И вот теперь, к его старательно скрываемому отчаянию, клиент сам нашел себе подходящий дом, без всякой профессиональной помощи.

Обстоятельства подобного рода требовали от виконта особой тактичности. Едва ли можно рассчитывать на пять процентов за простое сопровождение сделки. Необходимо создать непредвиденные сложности и проблемы, проблемы, которые может разрешить только человек столь опытный и поднаторевший в ведении переговоров, как виконт. Это правило уже не раз оправдывало себя в прошлом, и, руководствуясь им, он дал отрицательный ответ, когда Вронский спросил его о дворце Фаро.

– Откуда вам известно, что он не нуждается в деньгах? – Вронский придерживался убеждения, что нет такого человека, которого нельзя было бы купить, если предложить правильную цену.

– О! – Виконт понизил голос едва ли не до шепота. – В моей профессии важнее всего достоверная информация, и чем она приватнее, тем лучше. – Он выдержал паузу и кивнул, будто соглашаясь с самим собой. – Я потратил многие и многие годы, разрабатывая свои источники. На самом деле большая часть недвижимости, с которой я имею дело, так и не доходит до открытого рынка. Стоит шепнуть словечко в нужное ухо, et voilà. Сделка совершена, и, как всегда, в условиях полнейшей конфиденциальности. Что предпочтительнее для моих клиентов.

– И вы уверены, что собственник ни за что не продаст?

Снова пожатие плечами.

– Таково мое мнение, пока у нас нет более подробной информации.

– А как ее раздобыть?

Это был тот самый вопрос, который надеялся услышать виконт.

⁶ Сожалею (*фр.*).

– Само собой, собирать сведения необходимо деликатно. В идеале, стоит поручить это человеку, у которого имеется большой опыт в подобных делах. Владельцы крупной недвижимости никогда не действуют напрямую, зачастую они скрытны, а иногда и нечестны. Требуется человек с проницательным взглядом и тонким нюхом, чтобы выяснить правду.

Это был тот самый ответ, который надеялся услышать Вронский.

– Вероятно, кто-нибудь вроде вас?

Виконт скромно отмахнулся от комплимента:

– Сочту за честь.

На том и порешили: виконт все разузнает, соберет для Вронского информацию о дворце Фаро и его владельце. После чего они вдвоем выработают план действий. Договорившись, они присоединились к обществу на главной палубе: Вронский – чтобы играть роль гостеприимного хозяина, а виконт – в очередной раз склонить подвыпившего продюсера из Голливуда к покупке хорошенького маленького пентхауса в Каннах.

В сотне миль дальше по побережью проходила другая, куда более скромная вечеринка по случаю приезда Элены и Сэма. Они прибыли только что, проведя пару дней в Париже. Дворцу Фаро предстояло стать их домом на следующие три недели, и Ребуль пригласил несколько человек, с которыми Сэм и Елена познакомились в предыдущие приезды в Марсель: журналиста Филиппа Давена и его огненно-рыжую подружку Мими; внушающую восхищение Дафну Перкинс, на сей раз без медсестринской униформы, в которой она выглядела столь убедительно; и братьев Фигателли – Фло и Джо, – приехавших с Корсики на один вечер.

После ритуальных объятий и поцелуев, освеживших знакомство, потекли воспоминания. Дафна Перкинс, с бокалом-флюте в руке, изящно отставив мизинец, слушала, как Джо Фигателли описывает последние новости криминального мира Корсики. Затем, воспользовавшись паузой в разговоре, она спросила:

– А что случилось с тем гадким человеком?

Все присутствующие знали, что она имеет в виду лорда Уоппинга, бессовестного, бесчестного олигарха, которому едва не удалось устранить Ребуля от бизнеса, устроив похищение Элены. Дафна повернулась к Филиппу:

– Я уверена, ты следишь за этим делом. Он уже в тюрьме? Можно надеяться на пожизненное заключение, или это было бы слишком хорошо?

– Он пока не в тюрьме, – ответил Филипп. – Пользуется тем, что называется уголовно-правовой защитой времен войны в Сербии: внезапная, неожиданная болезнь, опасная для жизни, не позволяет подвергнуть его перекрестному допросу. Он до сих пор отлеживается в марсельской клинике, изо всех сил притворяясь полумертвым. Ходят слухи, что он подкупил кого-то из врачей. Но до него все равно доберутся.

Элена вздрогнула, вспомнив о похищении, и Сэм обнял ее:

– Не переживай, милая. Мы больше никогда не увидим этого типа.

Настроение всем подняла Мими, изрядно смутив при этом Филиппа.

– Смотри, – обратилась она к Элене. – Он хочет сделать из меня честную женщину.

Мими захихикала, выставив левую руку, чтобы показать обручальное кольцо, надетое на средний палец. Это послужило сигналом к потоку поздравлений и полным воодушевления объятиям. Ребуль провозгласил тост. Сэм провозгласил тост. Оба брата Фигателли провозгласили по тосту. Они ворвались в ужин на гребне волны шампанского.

Когда все расселись по местам, Ребуль постучал по бокалу, требуя тишины.

– Добро пожаловать, друзья, добро пожаловать в Марсель. Я по-настоящему счастлив видеть вас всех, и на этот раз в куда более спокойной обстановке. – Он окинул стол взглядом, кивая улыбающимся гостям, прежде чем напустить на себя серьезный вид. – Но теперь к делу. Сегодняшний ужин – простенькое мероприятие, однако альтернативный стол можно накрыть

для любого, у кого аллергия на фуа-гра, бок систеронского барашка, приправленный розмарином, молодой козий сыр и тарт Татен⁷. Bon appétit!⁸

При этих словах появилась домоправительница Ребуля, Клодин, в сопровождении Нану, горничной с Мартиники, и принялась подавать на стол.

Еда была слишком хороша, чтобы торопиться, под стать еде – вина, застольная беседа и в конце – сердечное прощание. Когда Елена с Сэмом поднялись в свои апартаменты на верхнем этаже, было почти два часа ночи.

Пока Елена занималась чем-то в гардеробной, Сэм прошелся по комнате, подошел к мансардному окну, из которого открывался вид на озера огней, растекшиеся по водам Старого порта. Он уже не в первый раз задался вопросом, что заставляет взрослых, в остальном вполне разумных людей втискиваться в крошечные лодочки, терпеть дискомфорт и по временам даже подвергать жизнь опасности на колышущейся, непредсказуемой груди моря. Жажда приключений? Желание спастись от мирских забот? Или же это просто утонченная форма мазохизма?

Его размышления прервало появление Элены, нагруженной дорогами магазинными пакетами, явно скрывавшими еще более дорогое содержимое.

– Хотела показать тебе, что купила в Париже, пока ты даром тратил время с продавцом рубашек у Шарве, – объявила она.

После чего аккуратно разложила на кровати коллекцию нижнего белья, которой хватило бы на небольшой бутик: все, конечно же, из шелка, что-то черное, что-то оттенка бледной лаванды, и все выглядит так, словно может улететь с кровати от малейшего дуновения ветерка.

– На рю де Сен-Пэр есть потрясающий магазинчик, «Сабия Роза». Товары для женщин. – Она отступила на шаг назад и улыбнулась Сэму, наклонив голову. – Что скажешь?

Сэм пробежался пальцами по тонкому шелку чего-то столь эфемерного, что он чуть не принял это за небольшой носовой платок.

– Даже не знаю. – Он покачал головой. – Наверное, нужно сначала посмотреть, как это сидит на фигуре.

– Конечно, – согласилась Елена, сгребла все с кровати и направилась обратно в гардеробную. Обернувшись через плечо, она подмигнула: – Никуда не уходи.

⁷ Яблочный пирог-перевертыш.

⁸ Приятного аппетита (*фр.*).

3

Клодин сообщила, что письмо было доставлено рано утром хорошо одетым джентльменом, который приехал на «мерседесе». Нет, своего имени он не назвал.

Ребуль открыл конверт, внутренности которого были цвета шоколада, и вынул одинарный блекло-желтый листок плотной бумаги. Вместо адреса наверху была вытиснена шапка, сообщавшая, что отправитель сего – виконт де Пертюи. Письмо было кратким и деловым.

Я был бы весьма признателен, если бы Вы уделите мне несколько минут, чтобы обсудить одно дело, обещающее обоюдную выгоду. Выбор места и времени я оставляю за Вами. Пожалуйста, позвоните мне по указанному ниже номеру, чтобы уточнить обстоятельства встречи.

Под всем этим стояла подпись из одного слова: Пертюи.

За долгие годы Ребуль, как почти все богатые люди, получал бесчисленное количество предложений увеличить его состояние тем или иным подозрительным способом. Некоторые приводили в изумление, а некоторые просто шокировали полетом воображения. На этот раз он поймал себя на том, что заинтригован сильнее обычного. Возможно, сыграл свою роль титул, хотя, видит бог, аристократия в наши дни насквозь коррумпирована и заиклена на получении прибыли. Но кто знает. Может, это дело и стоит нескольких минут его времени. Он взялся за телефон и набрал номер.

– Пертюи.

– Ребуль.

Тон моментально изменился, сделавшись елейным.

– Месье Ребуль, как любезно с вашей стороны. Я счастлив, что вы позвонили.

– Как вы понимаете, я получил вашу записку. Я свободен сегодня днем, около трех, если вас устроит. Полагаю, вам известно, где я живу.

– Конечно, конечно. Значит, в три часа. С огромным нетерпением жду нашей встречи.

Элена и Сэм провели утро, превратившись в туристов. К 2013 году, когда Марсель был объявлен культурной столицей Европы, в городе произошло много перемен. И Элена, жадная до всякого рода советов отправляющимся в путешествие, заранее прочитала обо всем, начиная с реконструкции пришедших в упадок доков (Le Grand Lifting⁹) и заканчивая «Замком моей матери»¹⁰ Паньоля, в котором теперь разместился Средиземноморский киноцентр. В городе появились новые музеи и выставочные площадки, только что разбитые сады – и гравийные, и водные, даже гламурный стеклянный ombrière¹¹, предназначенный для защиты посетителей рыбного рынка от капризов погоды, если не от смачных выражений. В общем и целом новшеств было достаточно, чтобы даже самые шустрые любители достопримечательностей метались по городу без остановки целый месяц.

Сэм изо всех сил старался не отставать от Элены, но это занятие выматывало его. Он со все возрастающей тоской поглядывал на кафе, мимо которых они проносились, и наконец не выдержал.

– Ланч, – произнес он решительно, и в голосе прозвучали стальные нотки. – Мы должны поесть.

⁹ Дословно «Великий подъем».

¹⁰ Книга Марселя Паньоля из автобиографической тетралогии.

¹¹ Навес от солнца (*фр.*).

Он остановил такси, запихнул в него Элену и велел водителю отвезти их в Валлон-дез-Офф сразу за Корниш. Элена убрала в сумку свои путевые заметки и театрально вздохнула.

– Культура повержена, а тревоугодие снова одержало победу, – сказала она, – и это в тот момент, когда мне было так весело. Куда мы едем?

– В маленький порт с двумя бесподобными ресторанами: «Фонфон» и «У Жанно». Мне о них рассказал Филипп. «Жанно» славится moules farcies¹², а «Фонфон» – своей bouillabaisse¹³.

Элена окинула взглядом надетые ею сегодня нежно-голубую футболку и кремового цвета льняную юбку.

– Для bouillabaisse я не одета. Как насчет moules?

Валлон-дез-Офф – карманный порт, слишком маленький, чтобы принимать какие-либо суда, кроме самых скромных лодок. Без сомнения, наилучшее место, чтобы оценить миниатюрный, но в высшей степени живописный вид, – это терраса ресторана «У Жанно», и Элена опустила на свой стул с легким вздохом удовлетворения.

– Как красиво, – отметила она. – Может быть, ты был прав.

– Ну, ты уж меня извини. Больше это не повторится. – Не успела Элена закатить глаза – ее обычная реакция на саркастические реплики Сэма, – как он с головой ушел в винную карту. – Ну-ка, посмотрим. Веселящее молодое rosé? Или, может быть, бодрящее и великолепно сбалансированное белое, всего лишь чуточку дерзкое, из виноградников Кассиса?

За годы совместной жизни Элена привыкла, что Сэм превращается в bon viveur, стоит ему ступить на землю Франции. Это входило в программу путешествия.

– Как ты думаешь, они подают к мидиям картошку фри?

– Pommes frites, моя дорогая, pommes frites.

– Сэм, ты превращаешься в ходячий словарь. Не будь занудой.

– Занудой? Я изнемогаю от жажды, я голоден, у меня болят ноги, но в целом я просто воплощение шарма и благодушного юмора. Так что же мы будем пить? Розовое или белое?

Когда принесли rosé, Сэм поднял бокал, салютуя Элене:

– За наш отпуск. Как тебе снова оказаться здесь?

Элена сделала глоток вина и посмаковала, прежде чем проглотить.

– Хорошо. Нет, лучше, чем просто хорошо. Здесь здорово. Я скучала по Провансу. И я знаю, как ты его любишь. – Она сняла темные очки и подалась вперед, лицо ее вдруг сделалось задумчивым. – Может, купить здесь небольшой домик? Ну такой, только на лето. Чтоб было где оставить сандалии.

Сэм удивленно поднял брови:

– И ты не будешь скучать по лету в Лос-Анджелесе? Когда смог встает во всей своей красе?

– Думаю, я переживу без него. Сэм, я серьезно.

– Ладно, значит, решено. – Он улыбнулся, глядя на ошеломленное лицо Элены, и снова поднял бокал. – Это было просто. На самом деле я собирался предложить то же самое. Я мог бы научиться играть в boules¹⁴. А ты могла бы научиться готовить.

Прежде чем Элена успела придумать какой-нибудь достойный ответ, принесли moules pommes frites: мидии, приготовленные с душистыми травами, чесноком и, если верить официанту, beaucoup d'amour¹⁵; frites двойной обжарки, с хрустящей корочкой и нежной серединкой. Дополнением к еде послужила волнующая, но так ничем и не завершившаяся беседа о покупке недвижимости в Провансе: преимущества и недостатки побережья и глубинки, дере-

¹² Фаршированные мидии (фр.).

¹³ Буйабес, уха по-марсельски (фр.).

¹⁴ Шары, игра петанк (фр.).

¹⁵ С большой любовью (фр.).

венского дома в Любероне и квартиры в Марселе. За кофе они решили, что сначала переговорах с какими-нибудь агентами по недвижимости, которые помогут им сориентироваться, а когда принесли счет, Элена настояла, что платит она. Она хотела вставить чек в рамочку – на память о том дне, когда было принято это решение.

Вернувшись ранним вечером в Фаро, они обнаружили Ребуля kloкочущим от негодования. У него был посетитель, объяснил он и обозвал гостя торговцем подержанными машинами, который вырядился виконтом и заявил, что нашел для дворца Фаро умопомрачительно богатого покупателя: человека, как выразился он сам, с самыми глубокими из всех глубоких карманов. Ребуль сказал, что дом не продается. Даже за пятьдесят миллионов евро? Вы что, не понимаете, сказал ему Ребуль, дом не продается. Да-да, сказал виконт, но ведь хорошо известно, что у всего есть цена. Вполне вероятно, что я сумею убедить моего клиента запустить руку в карман еще глубже.

– И тут я заорал, чтобы он убирался. У всего есть цена, как же! *Quel culot!*¹⁶ Какое нахальство!

– Что ж, – сказал Сэм, – по всей видимости, этого агента по недвижимости мы можем смело исключить из списка.

Ребуль застыл со штопором в руке:

– В смысле?

– Мы тут решили за ланчем. Подумали, что было бы неплохо купить здесь жилье.

Лицо Ребуля засияло.

– Правда? Как чудесно! Вот это действительно стоит отметить. – Он принялся открывать бутылку «Chassagne-Montrachet». – Это самая лучшая новость последних недель. И где вы хотите поселиться? Могу я чем-нибудь помочь?

К чести виконта следует сказать, что он никогда не опускал руки. Кроме того, подобные возражения он выслушивал неоднократно, и в большинстве случаев они улетучивались при виде достаточно солидного чека. Поэтому, докладывая Вронскому на борту «Королевы Каспия» о результатах, он умудрился сделать это со сдержанным оптимизмом.

– Он, разумеется, сказал, что не заинтересован в продаже. Но сначала все они так говорят – старый трюк, чтобы набить цену. Я слышал эти слова десятки раз. – Виконт улыбнулся, кивнул, поблагодарив старшего стюарда за поставленный перед ним бокал шампанского. – Я по опыту знаю: лучше всего оставить клиента в покое на недельку-другую, чтобы подумал, а потом прийти еще раз. Надеюсь, вы не собираетесь никуда уезжать?

– Не люблю незавершенные дела, – покачал головой Вронский. – Этот дом идеально мне подходит, и я не уеду из Марселя, пока он не станет моим.

¹⁶ Какая наглость! (фр.)

4

Ребуль уговорил Элену уговорить Сэма, чтобы тот позабыл свой ужас перед всем, что держится на воде, и отправился в путешествие вокруг Корсики. Его яхта, как постарался объяснить Сэму Ребуль, была построена с мыслью о комфорте, а не о скорости; в качестве еще одного убедительного довода он пообещал, что они пойдут в виду берега. Если верить Ребулю, всем известно: лучший способ увидеть Корсику – обойти ее по морю. До многих миленьких маленьких пляжей, которые в это время года пустынные, на машине просто невозможно добраться. И, как сказала Элена, женщине полезно заполучить целый пляж в свое полное распоряжение. Она была в родной стихии: босоногая, с ясными глазами, с кожей цвета темного меда, кроткая как ангел, и исходящее от нее ощущение счастья было заразительно. Разве мог Сэм противиться? Пусть он был сухопутной крысой до мозга костей, но и ему пришлось признать, что в хождении под парусом есть свои прелести.

И тем же вечером они бросили якорь в порту Кальви, с видом на массивную крепость, которая несла вахту над городом уже шестьсот лет. Обедали в ресторане в двух шагах от набережной изумительной *daurade roale*, рыбой, провозглашенной ее почитателями «плейбоем Средиземноморья». Здесь ее готовили в соляной корочке и подавали под пряным чесночным соусом. За рыбой последовал *brossiu*¹⁷, местный сливочный сыр, который лучше всего идет, щедро сдобренный инжирным вареньем. И вот теперь они вернулись на борт, сытые и размоленные, и кожу до сих пор пощипывало после дня, проведенного на солнце.

Ребуль оставил Элену с Сэмом на палубе, они развалились в шезлонгах, считая звезды. Вернулся Ребуль с бутылкой и тремя бокалами

– Мы обязаны завершить вечер по-корсикански, – заявил он, – пропустив по глоточку. Чтобы спать как младенцы.

Ребуль поставил бутылку на стол. Внешне она не имела ничего общего с теми шикарными до безумия сосудами, которые так часто выставлялись после обеда. У нее не было ни этикетки, ни красивой пробки. То есть какая-то этикетка была, приклеенная сбоку бумажка с надписью от руки: «Mugte». Пробка тоже была, корковая, потемневшая от времени, с виду казалось, что ею затыкали не одну бутылку. В общем, приза за элегантность эта бутылка точно не получила бы.

Ребуль выстроил бокалы в ряд и принялся разливать:

– Это производит один фермер, сосед моей двоюродной бабушки из Спелонкато. Ягоды мирта заливаются *eau-de-vie*¹⁸ с сахаром, добавляется лимон и пара бутонов гвоздики.

Он пододвинул по столу два бокала.

Элена сделала глоток. Потом еще один.

– О да, – проговорила она тоном знатока. – Кажется, я улавливаю нотки гвоздики. – Она улыбнулась Ребулю. – К такому можно здорово пристраститься. Замечательное, сладкое, но при этом терпкое. Интересно, этот бабушкин фермер не мог бы сделать такой ликер для меня?

На следующее утро они двинулись на юг. Ребуль хотел показать им деревню Жиролата, попасть в которую можно только по морю или верхом на муле и где один его старинный друг, Себастьян, решил проводить каждое лето после выхода на пенсию. Чтобы не заскучать, он открыл на берегу бар, нанял в барменши симпатичную местную девушку, а на себя возложил более чем скромные обязанности шеф-повара. Поскольку в меню значилось ровно одно блюдо

¹⁷ *Броччиу* – корсиканский мягкий сыр из овечьего или козьего молока.

¹⁸ Водка (фр.).

– местный langouste, – от кухонных хлопот у него оставалась уйма времени, чтобы предаваться любимому хобби – сидению на солнышке.

Себастьян стоял у кромки воды, приветствуя их, сходявших на берег, – жилистый, загорелый как головешка, с лицом в сети морщинок, освещенным широкой белозубой улыбкой. Он обнял Ребуля, поцеловал руку Элене, обменялся рукопожатием с Сэмом и повел их по пляжу к низкой лачуге без одной стены, где под выгоревшими полотняными зонтами стояли столы и стулья. На вывеске над барной стойкой было написано «Le Cac Quarante», а внизу, маленькими буквами: «Les chèques sont pas acceptés»¹⁹.

– «Cac Quarante», какое-то странное название для бара, – заметила Элена. – Это какое-то корсиканское блюдо?

– Не совсем, – усмехнулся Ребуль. – Это французский аналог индекса Доу-Джонса, отражает движение цен акций сорока крупнейших компаний на бирже. Собственно, там Себастьян и работал.

Они расселись вокруг стола, изучая написанную от руки винную карту размером с почтовую открытку, когда у Ребуля зазвонил телефон. Он встал из-за стола и принялся прогуливаться по пляжу, отвечая на звонок. Когда он вернулся, лицо у него было хмурое. Усаживаясь, он покачивал головой.

– Вы не поверите. Звонила Клодин. Только что появился агент по недвижимости вместе с Вронским, этим русским маньяком на вертолете. Они сказали Клодин, что я разрешил им осмотреть дом. Пока она разговаривала со мной, они успели прошмыгнуть в гостиную. В общем, я велел ей звонить в полицию, чтобы их выдворили оттуда. – Ребуль снова покачал головой. – Невероятно.

Сэм вынул бутылку из ведерка со льдом и налил ему бокал вина.

– Может, это поможет. «Canarelli», любимое rosé Себастьяна.

И точно, после первого же долгого оценивающего глотка Ребуль успокоился.

– Скажи мне, Сэм, – начал он, – что было бы, если бы такое произошло в Америке?

– Ну, не забывай, что в Штатах твой дом не твоя крепость, если нет ружья. Наверное, в Америке мы бы его пристрелили. Обычно это помогает.

Ребуль улыбнулся, хорошее настроение вернулось к нему.

– Нужно будет запомнить.

Langoustes были свежие, упругие, сладкие, приправленные таким густым майонезом, что его впору было резать ножом, на яичных желтках и корсиканском оливковом масле «экстра верджин». После того как была заказана вторая бутылка вина, разговор перешел на планы Элены и Сэма купить в Провансе какое-нибудь жилье; ничего грандиозного, но, по словам Элены, обязательно beaucoup de charme²⁰.

– Должен вас предостеречь, – сказал Ребуль, – именно эти слова провансальские агенты по недвижимости впитывают с молоком матери. Шарм – отличное оправдание для темных комнат, крошечных окон, низких потолков, сомнительной канализации, крыс в подвале, летучих мышей в ванной и всего остального, что иначе считалось бы недостатком. Если дом чуть жив и вот-вот развалится, значит он полон un charme fou – сумасшедшего шарма. И, как будто этого недостаточно, у него еще будет «громадный потенциал». В общем, не удивляйтесь, если агент предложит вам надеть розовые очки. – Он умолк, чтобы сделать глоток вина. – В любом случае, когда вернемся, я вам найду пару человек, с которыми можно будет связаться.

Спустя три солнечных ленивых дня они вернулись. Для всех троих то был короткий, но волшебный отдых от реальной жизни, вселивший в них благожелательность по отношению к

¹⁹ Чеки к оплате не принимаются (фр.).

²⁰ Полный шарма, очаровательный (фр.).

остальному миру. Которая, конечно, не могла длиться долго. Реальная жизнь терпеливо дожидалась.

Элена, оставившая электронные ссылки на офис в Фаро, открыла свой «Блэкберри» и обнаружила дюжину сообщений от клиентов, о которых она благополучно позабыла. Сэм, человек слишком занятый радостями жизни, чтобы размышлять о смерти, получил чрезвычайно суровое электронное письмо от своего адвоката, который признавался, что сильно обеспокоен его неизменно провальными попытками составить завещание. А Ребуля против его воли все сильнее поглощали мысли о Вронском. Не столько мысли, сколько вопросы. Но когда кто-то проявляет такой агрессивный интерес к твоему дому, желание разузнать об этом человеке вполне естественно.

К счастью для Ребуля, у него был Эрве, старый друг, преуспевший по службе и сейчас возглавлявший полицию Марселя. Как Ребуль уже не раз убеждался в прошлом, у Эрве имелись связи повсюду: в криминальном мире, в правительстве, в Интерполе, даже в коридорах власти Торговой палаты. Ребуль и Эрве встречались за ланчем раза три-четыре в год, чтобы обменяться сплетнями и полезными советами. И такой распорядок устраивал обоих.

– Ну, *mon vieux*²¹, что ты натворил на сей раз? – осведомился Эрве. – Получил кучу штрафных квитанций? Оскорбил полицейского? Или тебя снова застукали, когда ты щипал девчонок за задницу?

В трубке раздался смех, и Ребуль представил себе лицо Эрве: круглое, улыбающееся, бодрое, с выражением, вводящим в заблуждение. За этим выражением скрывался жесткий и целеустремленный полицейский, которым, как знал Ребуль, его друг был на самом деле.

– Мне нужна кое-какая информация, – сказал Ребуль. – Помнишь ту историю с вертолетом? Так вот, тот тип, что это устроил, снова появился. Пока меня не было, он попытался набиться на экскурсию по дому, и мне хотелось бы разузнать о нем побольше. Вронский. Русский, богатый. Очень богатый.

– Посмотрим, что мне удастся выяснить. Богатых русских в Европе отследить несложно. Через пару дней что-нибудь для тебя раздобуду. А ты пока что не предпринимай ничего, чего я сам не стал бы делать, *d'accord*?²²

²¹ Старина (*фр.*).

²² Ладно? (*фр.*)

5

Тишину раннего вечера во дворце Фаро – час l'apéritif – нарушил шум мотоциклетного мотора. Мотоциклист, дюжий полицейский в начищенных до блеска ботинках, аккуратно припарковался, снял шлем, положил его на седло, позвонил в дверь и замер в ожидании. Сам шеф сказал ему, что дело чрезвычайной важности и необходимо проявить такт и обходительность.

Дверь открыла Клодин. Полицейский отдал честь.

– Для месье Ребуля, – сообщил он, передавая коричневый конверт.

– Merci, monsieur.

– De rien, madame. Bonne soirée²³. – Завершив миссию, полицейский снова взял под козырек, после чего с ревом умчался.

Ребуль вскрыл конверт и вынул три листа бумаги. Первый оказался письмом, написанным рукой Эрве.

*Cher ami!*²⁴

Я решил проявить осторожность и прибегнуть к старомодному средству связи посредством бумаги. Как ты знаешь, в наши дни никакая электроника не гарантирует полной приватности, а мне не хотелось бы, чтобы эта информация в итоге оказалась в Интернете.

Как ты сам вскоре узнаешь, месье Вронский сделал прелюбопытную карьеру. Что меня больше всего поразило, так это высокая смертность в рядах его деловых партнеров. Хотя ничего не было доказано, я не верю в совпадения и считаю эти смерти серьезным предостережением. И настоятельно рекомендую тебе не иметь никаких дел с этим человеком. Он представляется мне чрезвычайно опасным.

Ребуль налил себе скотча, чтобы подкрепиться, и сосредоточился на следующих двух листах, покрытых машинописным текстом.

ВРОНСКИЙ, Олег. Родился в Ленинграде 4 января 1970 года. Записи об образовании отсутствуют.

С 1989-го по 1992-й служил в армии, сначала рядовым, затем сержантом, был командиром танка. Демобилизовавшись, он со своим другом Владимиром Пугачевым использовал армейские связи, чтобы заняться торговлей оружием, сначала на Балканах, позже, когда бизнес пошел в гору, в Восточной Африке. Бизнес продолжал развиваться, а Владимир Пугачев скончался при невыясненных обстоятельствах во время деловой поездки в Уагадугу²⁵, и его часть компании перешла к Вронскому. Слухи о нечестной игре тот с негодованием отрицал.

Вронский продолжал процветать. Продав свой бизнес многообещающему диктатору Марлону Батумбе, он вернулся в Россию и основал компанию с неограниченной ответственностью «Природные ресурсы», которая занималась исследованиями запасов полезных ископаемых на Южном Урале. Еще несколько прибыльных лет, и Вронский смог объединиться с компанией покрупнее, хозяином которой был Сергей Попов. Слияние не продлилось и двух лет, когда Попов скончался при невыясненных обстоятельствах во время семинара по бокситам в Магнитогорске, и его доля компании перешла к Вронскому. Слухи о нечестной игре тот с негодованием отрицал.

²³ Не за что, мадам. Приятного вечера (фр.).

²⁴ Дорогой друг! (фр.)

²⁵ Уагадугу – столица Буркина-Фасо (ранее, до 1984 года, носила название Верхняя Вольта).

Вронский продолжал богатеть, влиятельный, с большими связями, он расширил свою империю, разнообразил деятельность, занимаясь исследованиями и в Арктике, и в бассейне Амазонки. Был еще и многоквартирный дом на Парк-авеню в Нью-Йорке, купленный вскладчину с Джеком Леви, агентом по недвижимости с Манхэттена. Все без исключения признавали, что гибель Леви – тот прыгнул с балкона тридцать восьмого этажа – громадная потеря для общества. Зато это происшествие обернулось значительным приобретением для Вронского, которому досталась половина здания, принадлежавшая Леви.

Похоже, постоянного места жительства у Вронского нет, он предпочитает жить на яхте под названием «Королева Каспия», в своей штаб-квартире. Во время путешествий останавливается в гостиницах. Подробности его личной жизни почти неизвестны, буквально пара фактов. Хотя его постоянно видят в обществе красивых женщин, его единственный брак завершился разводом, и детей у него нет. Среди его хобби охота на медведей, шахматы и бальные танцы.

– У тебя такой задумчивый вид, Франсис, – заговорил Сэм, остановившись в дверях гостиной. – Надеюсь, ничего не случилось?

– Нет-нет. Я только что узнал о русском. Налей себе что-нибудь и почитай вот это. – Ребуль передал бумаги Сэму, а тот налил себе вина и поудобнее устроился на диване.

– Вот это биография, – произнес Сэм несколько минут спустя. – Уж точно не тот парень, с которым стоит иметь дело. Если кого увольняет, то увольняет навсегда. – Сэм покачал головой. – Потерять трех партнеров? Удивительно, как его не вывели на чистую воду. Или хотя бы не обвинили в преступной халатности.

– Не забывай, что он потерял их в разное время и в разных странах. Можешь себе представить, чтобы полиция Африки, России и Америки работала вместе? – Ребуль собрал бумаги и положил в ящик стола. – Хватит о нем. Где прекрасная Елена?

– Старается усовершенствовать совершенное. – Сэм пожал плечами. – Я заметил, что во Франции она красится и одевается в два раза дольше обычного. А в Париже – в три раза; говорит, там конкуренция на порядок выше.

– Женщины, – улыбнулся Ребуль. – Какой скучной была бы без них жизнь. Уже знаешь, куда пойдете сегодня вечером?

– К Оливеру, другу Филиппа и Мими, он отлично готовит. У них с женой Дельфин ресторан, которому недавно присвоили звезду Мишлен. И мы идем туда отметить это событие. А ты чем займешься?

Ребуль поморщился и покачал головой:

– Романтический вечер с моим бухгалтером, займемся цифрами. В следующем месяце возврат налога на роскошь – вы, американцы, весьма благоразумно этого избегаете. Кажется, с каждым годом делать это все сложнее. – Он просиял, повернувшись к двери. – Ага, вот и она, La Bomba. Восхитительно, моя дорогая, просто восхитительно.

Элена изобразила урезанный реверанс:

– Благодарю вас, добрый господин.

Она в самом деле была восхитительна в шелковом платье цвета ванили, которое выгодно оттеняло темные волосы и светящийся корсиканский загар. Сэм вынужден был признать, что зрелище стоило долгого ожидания.

В такси по дороге в ресторан он рассказал Элене о том, что только что узнал о Вронском. Она не могла поверить.

– Как ты думаешь, он всерьез считает, что Франсис продаст ему дворец Фаро?

– Понятия не имею. Однако человек с такой властью и деньгами точно не привык слышать слово «нет». Он считает, что может добиться своего тем или иным способом, потому

что именно так все и происходило на протяжении многих лет. И список его достижений очень пугает. Мне кажется, с ним надо держать ухо востро.

6

Во дворце Фаро проходил большой торжественный вечер. За полгода до того Ребуль позволил добродушной части своей натуры взять верх и согласился организовать у себя обед в пользу местного благотворительного общества «Les amis de Marseille». Благотворительное общество спонсировал комитет местных бизнесменов, которые действовали не совсем бескорыстно, – в конце концов, благотворительность начинается дома. Однако повод был стоящий и пришлось местным очень по душе: превратить Марсель в прибрежный город, где происходят события, достойные Канн с их кинофестивалем, Ниццы с ее фестивалем цветов и Монако с его теннисом и Гран-при.

Что же мог предложить Марсель, чем не располагали другие города? Гонка на яхтах, музыкальные и театральные фестивали, плавучие казино и международный чемпионат по *boules*, а также соревнования по водным лыжам – все это рассматривалось как возможные варианты. Однако амбициозные проекты подобного рода требуют капиталовложений, и вечеринка во дворце Фаро, включающая в себя обед по тысяче евро с носа, была устроена для того, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки и пустить по кругу блюдо для пожертвований.

Благодаря Ребулю «Les amis» было чем гордиться. Просторная задняя терраса дворца Фаро превратилась в нечто среднее между небольшим лесом и гигантской беседкой. Здесь были оливковые деревья, лимонные деревья, кущи бамбука с черными стеблями – все в громадных терракотовых горшках и опутанные гирляндами крошечных лампочек. Между деревьями стояли столы на шесть персон: на каждом плотная льняная скатерть, салфетки настоящего марсельского синего цвета, фонарики со свечами и в центре – ваза с белыми розами. Небольшой оркестр на возвышении в углу играл старые французские песни, любимые всеми: мелодии «La Mer»²⁶ и «La Vie en Rose»²⁷ перемежались темой из фильма «Un Homme et Une Femme»²⁸. Даже природа внесла лепту: воздух был мягкий и неподвижный, черное бархатное полотнище неба усеяно звездами – *un décor magique*²⁹, по словам одного из первых гостей.

Хозяин и его команда решили пропустить по бокалу шампанского, чтобы подготовиться к вечеру. Элена надела платье, которое она назвала церемониально-черным, хотя и отказалась уточнить, какого рода церемонию она имеет в виду. У Сэма было множество соображений на этот счет, однако он получил указание оставить их при себе. Только что помолвленные Мими и Филипп держались за руки, пока пили шампанское, Ребуль и Сэм великолепно смотрелись в белых смокингах.

– Так как, ты уже продумал свою речь? – поинтересовался Сэм.

Ребуль поморщился:

– Я согласен с тем человеком, который сказал, что правила удачной речи просты: встань, скажи и заткнись. Так что спич будет коротким и милым. – Его внимание привлек кто-то, идущий сквозь толпу. – О, вот и она, моя социальная кураторша.

Мари-Анж Пикар была специалистом по организации мероприятий подобного рода. Стройная блондинка за тридцать, она втиснулась в маленькое черное платье, скроенное так, чтобы привлекать максимум внимания к изрядному *décolleté*: здесь, в стратегически важном месте, была приколата пластиковая карточка с ее именем. Ребуль всех представил, и пару мгно-

²⁶ «Море» – популярная песня шансонье Шарля Трене, записанная в 1946 году, которая звучала во многих фильмах.

²⁷ «Жизнь в розовом цвете» – песня, ставшая визитной карточкой французской певицы Эдит Пиаф.

²⁸ «Мужчина и женщина» – французская мелодрама 1966 года, завоевавшая «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах и две премии «Оскар».

²⁹ Волшебное убранство (*фр.*).

вений Элена и Мари-Анж рассматривали друг друга, словно два боксера, готовые выйти на ринг.

– Какое прелестное маленькое платьице, – отметила Мари-Анж.

Элена наклонила голову и улыбнулась. «Не такое маленькое, как у тебя, – подумала она. – Может, в следующий раз выберешь что-нибудь, что тебе идет».

Мари-Анж сосредоточила свое внимание на Ребуле, с каждым новым вопросом приближаясь к нему на дюйм.

– Alors, месье Франсис. У вас есть все, что вам нужно? Наброски вашей речи? Вам нравится, как накрыт ваш стол? Не хотите ли еще раз просмотреть список гостей, в него была внесена пара изменений в последний момент. – К этому времени бюст Мари-Анж почти упирался в грудь Ребуля.

Он отступил на шаг назад, спасаясь от облака парфюма, и оглядел заполненную народом террасу:

– Все столы раскуплены?

– Последние два или три ушли вчера. Один стол занял некий русский господин. Он купил все шесть мест.

Ребуль нахмурился. Сколько русских готовы отдать шесть тысяч евро за какой-то обед в Марселе?

– Кто такой?

– Месье Вронский, – сверилась со списком гостей Мари-Анж. – Быть может, вы с ним знакомы?

– Не имел удовольствия, – покачал головой Ребуль.

Мари-Анж повела его к возвышению. Оркестр с блеском доиграл старую песню Пиаф, ставшую классикой: «Non, je ne regrette rien», и Мари-Анж взяла микрофон:

– Дамы и господа, друзья Марселя, тепло приветствуем всех вас! Обещаю, что этот вечер запомнится вам навсегда. – Она скосила глаза вниз, на бумажку с записями. – После обеда – и какого обеда... – она сделала паузу, чтобы поцеловать кончики пальцев, – ...состоится аукцион, аукцион de luxe, способный толкнуть вас на безрассудство. Однако безрассудство стоящее. Прежде всего мы разыграем уик-энд на двоих в отеле «Le petit Nice», ресторан которого, с его потрясающим видом на море, удостоен трех звезд Мишлен и славится своим легендарным bouillabaisse. – Еще одна пауза, чтобы поцеловать кончики пальцев. – Шесть бутылок из личных погребов нашего хозяина, «Lafite Rothschild» тысяча девятьсот восемьдесят второго года, одного из самых удачных годов для этого волшебного вина. Затем – ведь все мы футбольные болельщики – четыре билета в «Club des Loges» на все домашние игры «Olympique de Marseille» следующего сезона. И наконец, редкая возможность заполучить по-настоящему особенный автомобиль: коллекционный «бентли», купленный королем Фарухом³⁰ в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, чтобы отметить получение им подданства Монако.

Мари-Анж развернулась к Ребулю.

– А теперь, – произнесла она с видом фокусника, готового вынуть из своей шляпы особенно миленького белого кролика, – я попрошу нашего щедрого хозяина, Франсиса Ребуля, сказать вам несколько приветственных слов – буквально пару, как он просил меня предупредить.

Заплодировав первой, она передала микрофон следующему оратору, не особенно горевшему желанием выступать.

В нескольких коротких, но обворожительных фразах Ребуль поблагодарил аудиторию за поддержку и подчеркнул, что этот вечер только начало, первый шаг на пути, который, как он надеется, приведет его обожаемый Марсель к новым чудесам.

³⁰ Король Египта и Судана, свергнутый в результате революции 1952 года, уехал в изгнание в Монако.

– Но я уверен, что все вы проголодались, – завершил Ребуль, кинув взгляд в сторону летней кухни, – и еще я вижу, что мой друг и шеф-повар Альфонс постукивает по часам. Знаю по опыту, что он не из тех, кого можно заставлять ждать. Allons, mes amis! a la bouffe!³¹

За столами сидело больше сотни гостей, и многих из них Ребуль знал лично. Толпа местных бизнесменов с женами; шеф полиции Эрве; знаменитые личности из Торговой палаты; Гастон, посредник; мадам Спинелли из Лиги женщин Марселя и Бруно, ее относительно молодой партнер; члены исполнительного комитета футбольного клуба «Olympique de Marseille» и прочие видные представители общества, щеголяющие всеми оттенками загара и драгоценностей. Иными словами, все, кто что-либо значил в социальной иерархии Марселя.

И те, кто ничего не значил, – во всяком случае, пока. За еще одним, особым, столом, где уже приканчивали магнум³² «Dom Perignon», сидела группа гостей, которых Мари-Анж шепотом охарактеризовала Ребулю как «русский контингент». Там был Вронский, в бархатном смокинге сливового цвета, с Наташей по одну руку и с Катей – по другую; виконт де Пертюи и мадам виконтесса, по последней моде анорексичная дама, опасно размахивающая во все стороны своим мундштуком; и еще весьма гламурный юноша с волосами невероятного пепельного оттенка, одетый с головы до ног в черную кожу, который лениво откинулся на спинку стула, и свет играл на его солнцезащитных очках.

Ребуль, поздоровавшись с несколькими друзьями, возвращался к своему столу, когда кто-то окликнул его. Он развернулся и увидел прямо перед собой ледяные голубые глаза Олега Вронского.

– О, месье Ребуль. Я – Вронский.

Обычное благодушие вдруг мигом покинуло Ребуля.

– Я знаю, – бросил он и отвернулся.

Вронский нагнал его и взял за плечо:

– Нам нужно поговорить. Это вам будет очень интересно.

– Сомневаюсь.

Ребуль стряхнул руку Вронского и вернулся за стол, а русский остался стоять в одиночестве, и с ближайших столов на него уже бросали любопытные взгляды. Он овладел собой и, отодвинув с дороги официанта, вернулся на место.

Садясь, Вронский хмурился.

– Наглый французишка, – бросил он виконту, – и кем это он себя возомнил?

За столом Ребуля прозвучало подобное же замечание, только национальная принадлежность наглеца была другой.

– Не могу поверить, – удивился Сэм. – Надеюсь, он хотя бы извинился за вторжение в твой дом?

Ребуль покачал головой:

– Разговор был недолгим. – Он развернулся к Элене, сидевшей рядом с ним. – Прошу прощения, моя дорогая. Простите меня. Давайте не будем портить вечер.

³¹ Вперед, друзья мои! За еду! (фр.)

³² Бутылка для шампанского объемом в 1,5 литра.

7

Как Ребуль объяснил Элене, для этого обеда он разработал со своим шеф-поваром Альфонсом исключительно провансальское меню.

– Мы начнем, – сказал он, – с дынь из Кавальона, города, который поставляет лучшие дыни во Франции. Они настолько хороши, что Александр Дюма заключил в девятнадцатом столетии сделку с кавальонцами «книги в обмен на дыни». В самом деле, в городских архивах до сих пор хранится коллекция книг, которые Дюма присылал в обмен на дюжину дынь в год. – Он умолк, чтобы глотнуть шампанского, и заметил, что все за их столом притихли и слушают его. – Так вот, самые сочные и вкусные дыни, те, что у нас на столе сегодня, называются *melons de dix*, у них десять ребер, по которым они разрезаются на десять идеальных ломтиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.